

От армии 1941-го — к армии 1945 года

М. А. Гареев*

Публикуемая ниже запись беседы И. В. Сталина с руководством Генштаба и главными редакторами журналов «Военная мысль» и «Военный вестник» в марте 1945 г. — документ, который нет надобности подробно комментировать. Но представляется необходимым поделиться некоторыми мыслями и соображениями, возникающими сегодня при ознакомлении с этим интересным историческим документом.

Прежде всего, обращает на себя внимание то поразительное обстоятельство, что в это время идет война: проводится крупнейшая Висло-Одерская стратегическая наступательная операция, возникают не только сложные оперативно-стратегические проблемы на фронтах, взаимодействия с союзными армиями, но и многие политико-дипломатические задачи послевоенного устройства Европы, в предсмертной судороге извивается гитлеровская верхушка, стремясь склонить западных союзников к сепаратному миру. Необходимо напрягать последние усилия народа и армии для обеспечения окончательного разгрома врага в его собственном логове. С учетом всего этого не трудно себе представить всю степень занятости руководителя страны, сосредоточившего в своих руках все нити политической, социально-экономической жизни страны, стратегического руководства Вооруженными Силами.

И вот, несмотря на все это, в таких сложнейших условиях, Верховный Главнокомандующий, Наркомат обороны, Генеральный штаб не поглощены всецело текущей оперативной работой, а заглядывают уже вперед, думают о будущей военной идеологии, обобщении и освоении богатейшего опыта войны, о подготовке военных кадров в послевоенное время с учетом новых требований. В частности, Генштаб представил наркому обороны проект приказа о задачах журналов «Военная мысль» и «Военный вестник». И. В. Сталин считает нужным не просто формаль-

но рассмотреть и подписать приказ, а побеседовать в течение более одного часа с главными редакторами журналов, поразмышлять вместе с ними о назревших проблемах, дает дельные советы.

Нет надобности идеализировать Сталина. По-разному можно относиться к таким неоднозначным личностям: за что-то их можно порицать, но есть и чему научиться.

Вместе с тем ради объективности нельзя не обратить внимания на емкость высказанных им мыслей, на четкость и лаконичность их изложения. Припоминается случай, когда в 1959 г. на приеме в честь выпускников военных академий к столу Академии Генштаба подошел Н. С. Хрущев и в своей беседе с нами бросил реплику: «Сталину тоже писали выступления». На вопрос: «А где сейчас эта люди, которые писали Сталину выступления, почему больше никому они так не напишут?» — внятного ответа не последовало. В последующие годы в выступлениях некоторых политических, государственных деятелей мы нередко слышим формально правильные трафаретные слова, но в них далеко не всегда содержится хоть какая-то человеческая мысль.

Кстати, и в послевоенные годы основные положения важнейших исторических или военно-теоретических трудов, уставных документов, военных энциклопедий обсуждались под руководством высших руководителей с привлечением не только соответствующих должностных лиц, но и ведущих ученых и ветеранов войны. Они стремились если и не стоять во главе передовой военно-научной мысли, то по крайней мере не быть в стороне от нее, осознанно воспринимать ее. Все это давало возможность в ходе ожесточенных споров глубже разобраться в рассматриваемых вопросах и более обоснованно их решать.

К сожалению, в последние годы эти традиции забываются. Руководители (даже более низкого уровня), как правило, не находят времени для всего того, о чем выше было сказано.

* Махмут Ахметович Гареев — генерал армии, доктор военных наук, доктор исторических наук, президент Академии военных наук.

Из вопросов, которые затрагивались Сталиным в упомянутой беседе, и в наше время сохраняют актуальность проблемы военной идеологии, изучения боевого опыта, подготовки общевойскового командира, освоения наследия выдающихся полководцев и др.

Особого внимания заслуживает тезис Сталина о том, что «самое лучшее, самое важное, чего мы добились в этой войне — это наша армия, наши кадры. В этой войне мы получили современную армию и это важнее многих других приобретений» (подчеркнуто мною. — М. Г.).

Наша держава победила сильнейших противников на Западе и Востоке, завоевала пол-Европы, возвратила Родине Сахалин и Курилы, освободила свою страну и многие другие государства Европы и Азии из-под вражеской оккупации, спасла весь мир от фашистского порабощения, при этом резко возрос международный авторитет СССР — это все достижения огромного исторического значения. Таких достижений и такой грандиозной победы не было во всей истории нашего Отечества. Но Сталин все же считал, что важнее всего этого — это то, что мы получили современную армию и закаленные на войне военные кадры. И это не является большим преувеличением. Безусловно, победа достигнута усилиями всего народа. Но судьба Отечества, быть или не быть ему, решалась на полях сражений. И в реализации усилий народа, экономических и духовных возможностей страны решающую роль сыграли воины Армии и Флота и прежде всего офицерские кадры.

К концу войны советские Вооруженные Силы обладали такой несокрушимой мощью, таким военным профессионализмом, были настолько слаженным во всех отношениях организмом, что никто им противостоять в Европе уже не мог. В связи с этим возникает один из самых глубинных и сокровенных вопросов военной истории. Чем же наша армия 1941 г., терпевшая тяжелые неудачи в начале войны, отличалась от армии 1945 г., уверенно и блистательно завершившей войну?

Люди (солдаты, офицеры) в 1941 г. формально были даже лучше (по возрасту, физическим данным, общей военной грамотности и образованности), вооружение качественно изменилось, но не столь существенно, не было особенной ломки организационной структуры армии, системы военного управления (кроме ВВС и организации Ставки ВГК), да и по некоторым другим параметрам. И в целом с точки зрения потенциальных возможностей (по укомплектованности личным составом, вооружению, боевой выучке и другим параметрам) боеспособность армии к началу войны была выше, чем ее непосредственная боевая готовность к отражению вражеской агрессии. Из-за известных просчетов политического руководства и высшего военного командования войска к началу нападения противника

не были приведены в полную боевую готовность, их оперативное развертывание не завершено, дивизии первого эшелона в большинстве своем не успели занять предназначенных оборонительных рубежей. Поэтому они оказались в тяжелейшем положении и не смогли в полной мере реализовать свои боевые возможности. Уже в начальный период войны была потеряна основная часть кадровой армии, и ее пришлось воссоздавать уже в ходе войны. Тем более значим качественный скачок ее боеспособности в ходе войны!

Что же превратило ее в армию 1945 г.? Коренные качественные изменения произошли прежде всего внутри ее. Война встряхнула всех людей, все общество, и военных, и гражданских, вынудила совсем другими глазами взглянуть на судьбу страны и свои задачи по защите Отечества.

Она вынудила всех, начиная от Верховного Главнокомандующего и кончая солдатом, стряхнуть с себя благодушие, привычки и «наросты» мирного времени, мобилизовать до предела все свои возможности, оттачивать свое управленческое и боевое мастерство. Боевая обстановка не прощала формализма и ошибок и сурово наказывала за любые упущения в разведке, огневом поражении, обеспечении войск всем необходимым. Отодвигала в сторону все надуманное, нежизненное, все артикулы партократов и чиновников типа Мехлиса. В частности, со всей наглядностью выявилось, что в определенной мере нужны и контроль, и догляд сверху, но не может быть никакого эффективного управления без доверия к людям. Война вынудила ограничить существовавший «беспредел» и в этой области.

Непрерывные и напряженные боевые действия обогащали боевым опытом, закаляли военные кадры, делали их более стойкими, мудрыми и уверенными в своих силах, вынуждали овладевать еще непостижимыми в 1941 г. секретами военного искусства. Видимо, и в начале войны не было командира, который бы теоретически не знал о необходимости сосредоточения основных усилий на решающих направлениях, необходимости ведения непрерывной разведки и надежного огневого поражения противника. Но потребовались немалые жертвы и усилия, прошло немало времени, пока большинство командиров овладели искусством практического осуществления этих канонов военной науки. Со всей беспощадностью война показала, какая дистанция огромного размера между знанием теории и практическим овладением военным искусством. Достаточно напомнить и о том, что глубинная суть стратегической обороны была не уяснена и на самом «верху» не только в 1941 г., но и в 1942 г. Только в 1943 г., при подготовке к Курской битве ей удалось до конца овладеть. Немало было и других таких проблем, с которыми пришлось столкнуться и постигать во время войны.

Мужество и самоотверженный труд народа под лозунгом: «Все для фронта! Все для победы!» — под-

крепляло армию не только все более совершенным оружием, материальными ресурсами, но и особой духовной силой. И помощь по ленд-лизу принесла свою пользу, появились сотни тысяч автомашин высокой проходимости, которые сделали нашу артиллерию и в целом войска более маневренными.

В мирное время 3–4-суточное учение считается большим событием и, конечно, многое дает для боевой выучки и боевого слаживания соединений и частей. А здесь 4 года (1418 суток) непрерывной учебы не просто в условиях, «приближенных» к боевым, а действительно в боевых условиях. Командиры, штабы и войска не только получали боевую практику. Они на протяжении всей войны и в перерыве между боями занимались напряженной боевой подготовкой. Перед каждым боем и операцией многократно тренировались в выполнении боевых задач, воссоздавая соответствующую оборону противника и на местности, схожей с той, на которой предстояло действовать.

Во время войны все было отлажено и доведено до совершенства. Приведу маленький пример. Кто был на учениях, не мог не заметить, например, сколько бывает суеты и бегогны, чтобы переместить на новое место командный или передовой командный пункт. Во второй половине войны командир дивизии, иногда не говоря ни слова, показывал начальнику оперативного отделения место, куда переместить пункт управления. И уже без особых указаний заранее назначенные для этого оператор, разведчик, связист, сапер, знали, на какой машине, куда ехать, что взять с собой и как все подготовить на новом месте. И такая слаженность в действиях была во всех делах и во всех звеньях от Ставки до подразделения. Все действия, функциональные обязанности каждого воина были отработаны до автоматизма. Это обеспечивало высокую организованность, взаимопонимание и слаженность управления.

Разумеется, в мирное время невозможно постоянно с таким напряжением заниматься боевой выучкой, как во время войны.

Вместе с тем, не получая длительное время боевой практики, любая армия постепенно «закидает», механизмы ее функционирования начинают ржаветь. Германия во второй половине 1930-х годов постоянно «обкатывала» свою армию в различного рода военных акциях и кампаниях, до нападения на СССР на протяжении двух лет армия участвовала в военных действиях. Одним из подспудных мотивов затяжной Сталиным Советско-финской войны также было стремление испытать свою армию в боевом деле. И многие послевоенные вооруженные конфликты, развязанные США, в том числе последняя военная акция Израиля в Ливане, имели также целью дать органам управления и войскам боевую практику и испытать новые образцы вооружения.

Причем для того, чтобы армия была и в мирное время в боеготовом состоянии, необходимо учения

и тренировки проводить не только с соединениями и частями, но и органами управления стратегического и оперативного звена. До войны почему-то считалось, что командир роты или батальона должен систематически тренироваться в управлении с подразделениями, а в стратегическом звене это не обязательно. В результате именно органы оперативно-стратегического звена оказались наименее слаженными и подготовленными к решению возложенных на них задач во время войны. Это существенно снижало боевые возможности Вооруженных Сил в целом. Этот вывод подтверждается и современными новейшими научными достижениями. Например, программно-целевое планирование, как и вообще системный подход, исходит из положения, что целое больше суммы своих составных частей. Целостная система обладает такими свойствами, которые не вытекают непосредственно из свойств составляющих ее частей, но соответствующим образом могут быть выявлены путем анализа всей системы в целом, ее внутренних связей и результатов взаимодействия различных частей между собой. В этом, собственно, разница между комплексным подходом, который позволяет рассмотреть лишь простую сумму элементов системы, и системным. Например, при программно-целевом методе планирования военного строительства мы оперируем боевыми потенциалами соединений и частей. Но в зависимости от рациональности организационной структуры и системы управления и прежде всего в высшем звене общий боевой потенциал Вооруженных Сил может быть меньше (как это было в 1941 г.), и значительно больше, чем простая сумма боевых потенциалов соединений и частей, составляющих объединения и Вооруженные Силы в целом, как это было в 1945 г. В свете всего этого тем более важно и в мирное время ответственно относиться к каждому занятию и учению, максимально приближать их к боевым условиям. Следует сказать, что и в послевоенные годы (особенно в период, когда министром обороны был Г. К. Жуков) было еще весьма строгое отношение к подготовке и проведению учений. Проводились они в очень требовательной обстановке. Достаточно сказать, что после каждого фронтового учения по его итогам издавался приказ министра обороны, нередко не справившиеся со своими задачами лица отстранялись от должности, получали строгие взыскания. Все еще помнили, как тяжело на войне приходилось расплачиваться за малейшие упущения, и считалось большим грехом не пресекать их.

В этом отношении характерны два эпизода, рассказанных И. С. Коневым на разборе учения в Закавказском военном округе. Перед войной, будучи командующим Северо-Кавказским военным округом, он проводил командно-штабное учение с 19-й армией. В это время его старшие начальники вызвали к правительственному телефону, и за несвоевременное прибытие он получил серьезное внушение. Некоторые чиновники считали: «какие там учения»,

когда вызывает Москва. После войны, в период, когда И. С. Конев как главнокомандующий сухопутных войск руководил командно-штабным учением с Закавказским военным округом, позвонил Сталин. Оперативный дежурный доложил, что маршал Конев на учении. Сталин сказал: «Хорошо, не отрывайте т. Конева от этого важного дела, пусть он мне позвонит, когда у него будет возможность для этого». Вот так война сурово учила и меняла людей, в том числе их отношение к боевой учебе даже на самом высоком уровне. В связи с этим приходится задуматься: неужели нужна еще одна война, чтобы руководители всех степеней снова уяснили роль и значение офицерских кадров в жизни государства, и что главное назначение армии, вообще военных людей — непрерывная подготовка к выполнению боевых задач. Если этого нет — армия теряет смысл своего предназначения. Как писал К. Симонов в повести «Товарищи по оружию»: «Война для кадрового офицера — это экзамен, который неизвестно, когда состоится, но к которому надо готовиться всю жизнь».

Разумеется, война, боевая практика совершенствовали боевую выучку не только наших войск, но и противника, боеспособность которого к концу войны значительно снизилась. Противоборствующие стороны перенимали опыт друг у друга. И в этом процессе решающую роль играли такие факторы, как справедливые цели войны, завоевание стратегической инициативы и господства в воздухе и в целом преимущество советской военной науки и военного искусства. Например, в нашей армии была выработана более совершенная система огневого поражения, осуществляемая в виде артиллерийского и авиационного наступления. В немецких дивизиях было примерно в 1,5 раза больше артиллерии, чем в наших дивизиях. Но наличие у нас мощного резерва артиллерии ВГК и маневр его на решающие участки фронта привели к тому, что у нас постоянно участвовало в активных боевых действиях до 55–60% артиллерии, в то время как в германских войсках — только около 40 % всей артиллерии. Зародившаяся в битве под Москвой уже под Курском была доведена до совершенства выработанная во время войны система противотанковой и противовоздушной обороны. Понесшие большие потери дивизии германское командование обычно расформировывало и формировало новые, что затрудняло их сплочение. У нас нередко сохранялись и вели боевые действия дивизии численностью 3–5 тыс. человек. Поэтому соответствующих соединений и объединений у нас было больше, чем у немцев. Но при сохранении костяка имеющего боевой опыт офицерского состава в дивизионном — полковом, а во второй половине войны и в батальонном звеньях легче было докомплектовывать эти дивизии и включать пополнение в боевую строй.

Немало было и других подобных организационных и оперативно-тактических приемов, которые

приумножали боевую мощь армии и делали наше военное искусство более эффективным.

Советское командование в период Великой Отечественной войны придавало большое значение своевременному обобщению и доведению до войск боевого опыта, Ставка Верховного Главнокомандования, Генеральный штаб, Главное политическое управление, Наркомат Военно-Морского Флота, командование и штабы видов Вооруженных Сил и родов войск, объединений и соединений были не только органами практического руководства войсками, но и основными центрами военно-теоретической мысли. Руководство военными действиями было немислимо без творческой работы по подготовке обоснованных решений, разработке уставов, инструкций и приказов, обобщающих все передовое в опыте войны. Во время войны в Генеральном штабе было создано Управление по использованию опыта войны, в штабах фронтов и армий — соответственно отделы и отделения.

Богатый боевой опыт Советской Армии находит отражение в разрабатываемых и обновляемых во время войны уставах, наставлениях и инструкциях. Например, в 1944 г. были разработаны и переработаны Полевой и Боевой уставы пехоты, «Руководство по форсированию рек», «Руководство по действиям войск в горах», «Наставление по прорыву позиционной обороны» и др. Всего за 1943–1944 гг. было переработано и разработано вновь 30 уставов, наставлений и инструкций, связанных с ведением боевых действий и подготовкой войск.

Обращает на себя внимание конкретность и предметность военно-научных исследований, строгая подчиненность их интересам успешного ведения вооруженной борьбы на фронтах. В то же время армия Германии, несмотря на значительное несоответствие довоенных уставов опыту Второй мировой войны, особенно после нападения на Советский Союз, не переработала в ходе военных действий почти ни одного устава, хотя и вела боевые действия в течение шести лет. По захваченным трофейным документам, показаниям пленных офицеров установлено, что анализ и обобщение боевого опыта в немецко-фашистской армии велись лишь путем издания отдельных памяток и директив. Многие фашистские генералы в своих мемуарах называют одной из причин поражения то, что они и на Востоке воевали по тем же уставным документам, как и на Западе.

Таким образом, война еще раз подтвердила, что даже хорошо разработанная теория сама по себе мало что дает, если ею не овладевают кадры. Кроме этого, требуется развитое оперативно-стратегическое мышление, целый ряд организаторских и волевых качеств, без которых нельзя проявить высокий уровень военного искусства. Не случайно Сталин организаторские способности командного состава относил к постоянно действующим факторам, решающим исход войны.

Но и все сказанное далеко не полно отвечает на вопрос: откуда взялся феномен всепокрушаю-

щей победоносной армии к концу войны. Над этим таинством есть надобность задуматься более основательно, особенно, когда затеваются всякого рода реорганизации и реформы. Главный урок в этой области состоит том, что всякие внешне эффективные преобразования, если они касаются только поверхностных сторон войсковой жизни и не затрагивают внутренних пружин функционирования армейского организма, не меняют суть существующей системы, то эти преобразования мало что дают для повышения качественных параметров боеспособности и боевой готовности Вооруженных Сил.

Сталин в ходе беседы говорил, как об особо важной задаче, о взаимодействии родов войск и подготовке общевойскового командира, способного объединять в своих руках усилия всех родов войск. Конечно, в наше время в общевойсковых училищах готовят уже не пехотного командира (он овладевает там и танками, и артиллерией, и саперным делом), но проблема, например, хорошо отлаженного взаимодействия с авиацией в общевойсковом бою и сегодня остается не до конца решенной.

Есть и другие такие вопросы. Не теряют своего значения и суждения советского лидера об освоении офицерами военного наследия выдающихся полководцев и вообще об обобщении и изучении опыта войны. В том числе еще не початый край работы по исследованию опыта афганской, чеченской войны и других локальных войн и конфликтов послевоенного периода. Беседу свою он заканчивает советом: «Как изучать, описывать опыт? Не заниматься восхвалениями, критически разбирать операции. Дела сами за себя будут говорить. Подхалимов подальше держать от этой работы». Последнее пожелание труднее всего приживалось в военно-исторической работе и не только в советское время. Ложь и фальсификация истории войны, дискредитация Великой Победы стали обычным делом в неolibеральной печати, телевидении и в других СМИ. Этому особо удивляться не приходится: поставлена задача — унижить достоинство России, в том числе и историческое — и эти люди исправно отработывают свой хлеб. Но и печать, причисляющая себя к патриотической когорте, не всегда занимает принципиальную позицию. Например, сам Сталин после войны довольно самокритично говорил, что у нашего правительства было немало ошибок, были моменты отчаянного положения. Но в этой же «патриотической печати» об этом сегодня уже невозможно сказать. Вас могут даже оскорбить.

В последние годы выходит много разных книг о войне, формально плюрализм, казалось бы, беспредельный. Но антироссийские писания выходят и распространяются огромными тиражами, а для правдивых, честных книг эти возможности крайне ограничены.

С точки зрения содержательной направленности военно-исторической литературы (даже некоторых

серьезных исследований) больше всего губит дело чрезмерная ангажированность авторов, которые не считаются ни с какой объективной действительностью, ни с какими фактами, аргументами и доказательствами. Обычно в рамках заранее заданных схем, версий из всего многообразия фактов, суждений, высказываний собираются только нужные, подтверждающие точки зрения авторов, а все остальные, в том числе опровергающие их суждения, не только не анализируются, не сопоставляются, даже не упоминаются и просто отбрасываются.

У одних авторов Сталин все делал только правильно и никаких огрехов и ошибок в его деятельности не было. Во всем, в том числе событиях 1941 г. виноваты Тимошенко, Жуков, Павлов и другие должностные лица. Последние объявляются даже предателями и изменниками. Хотя очевидно, что есть за что покрывать и Сталина. И нельзя огульно отвергать любые замечания по поводу его деятельности.

Как уже говорилось выше, после войны Сталин по достоинству оценил значение военных кадров, многое сделал для повышения авторитета офицеров и их жизненного уровня. Но нельзя забывать и о том, как бесцеремонно и жестоко обошлись с командными кадрами перед войной.

Другие, наоборот, во всем клянут сталинизм и не видят ничего светлого в деятельности Сталина или Жукова. Говорят, что победу одержал народ вопреки сталинскому руководству. Народ, который потерпел поражение в Крымской, Русско-японской, в Первой мировой войне, вдруг вздумал победить в 1945 г. Так не бывает. Самый героический, самоотверженный народ без твердого и умелого руководства не может не только победить, но и элементарно организованно действовать. Тем более что вопреки Сталину ничего невозможно было делать, и без его ведома ни один серьезный вопрос не решался.

Подобные архангажированные писания не имеют ничего общего с исторической наукой. Они больше напоминают околосторическое баловство.

Любые исторические события или личности должны изучаться во всей их противоречивой сложности, при строгом соизмерении их меркой и 1941, и 1945 г.

Как писал К. Симонов в «Зиме сорок первого года»:

*Не чтобы ославить кого,
Пожалуй, и ныне полезно,
А чтобы изведать до дна,
Не выпустив память из рук,
Зима сорок первого года
Той меркой, прямой и железной,
Нам верно меркой дана.
Проверить кого-нибудь вдруг.*

Опыт Великой Отечественной войны, локальных войн, в которых участвовало старшее поколение ветеранов, нужно изучать и осваивать сугубо

критически, творчески, с учетом современных условий, объективно вскрывая ошибки прошлого. Без этого невозможно извлечь должных уроков из опыта прошлых войн, необходимых для армии сегодня и завтра.

Вообще, востребованность новых идей, достижений военной науки и внедрение их в практическую деятельность — это один из главных уроков из прошлого и наиболее острая проблема нашего времени. В этом деле и сегодня важную роль призвана играть наша военная печать. После войны многие военачальники, историки сокрушались по поводу того, что мы неправильно предвидели начальный период войны. Но в 1940 г. по опыту начавшейся Второй мировой войны Г. С. Иссерсон написал книгу «Новые формы борьбы», где убедительно показал, что этот период не будет таким, как в 1914 году. Были и некоторые

другие такие исследования. Однако эти идеи не были замечены и восприняты.

Как сделать, чтобы это не повторилось? В наше время для руководителей особенно важно быть не только ближе к науке, а стоять во главе научных изысканий, быть более доступными к общению с людьми, военными учеными, не спешить отвергать новые идеи. В свое время программу военной реформы М. В. Фрунзе обсуждала вся Красная Армия. Нужен более широкий фронт военного творчества и в наше время.

Только на такой добротной, жизненной основе можно создать рассчитанные на будущее военную идеологию и военную доктрину, которые не только должны быть выработаны и внедрены сверху, их должен воспринять весь личный состав и осознанно проводить в жизнь, как свое кровное дело.

Указания и замечания, сделанные товарищем Сталиным при рассмотрении и подписании им приказа о журналах «Военная мысль» и «Военный вестник» (5 марта 1945 г., время от 22 ч 40 мин по 23 ч 45 мин)¹

О военной идеологии

Товарищ Сталин, рассматривая задачи журнала «Военная мысль», задал вопрос: нужно ли нам ставить задачу разработки вопросов военной идеологии? Не ограничиться ли только вопросами теории? И положительно отвечая на этот вопрос, ставит другой — какая нам нужна военная идеология?

Основные мысли товарища Сталина:

Большевики не против войны, мы не пацифисты, мы за справедливые войны, против захватнических, империалистических. Армия должна иметь военную идеологию. Мы начали войну, по существу, не имея военной идеологии. У нас был лозунг: чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. Это, в сущности, оборонческая идеология. Это идеология гражданского лица. Армия должна не только обороняться, она должна наступать, защищать интересы государства всеми способами. Такую идеологию мы создали во время войны. Теперь у нас есть своя военная идеология.

Затем товарищ Сталин сравнивает немецкую военную идеологию с французской:

Немцы создали военную идеологию нападения, идеологию наступательной войны, захвата, идеологию борьбы за мировое господство. Эта идеология им сильно помогала в войне. Но она была односторонней и привела их к краху.

Идеология обороны при одностороннем ее развитии ведет к предпочтению пассивных методов войны, к строительству линий Мажино и т.п. А в войне линия Мажино была расстреляна, не оправдала себя. Одной обороной войну выиграть нельзя.

Нам нужна идеология готовности не только к обороне, но и к наступлению. Наша армия должна уметь защищать любые интересы нашего государства всеми способами. Эти мысли товарищ Сталин в беседе повторил несколько раз.

О взаимодействии родов войск и о подготовке общевойскового командира

Товарищ Сталин лично вписал в приказ в качестве задачи журнала «Военная мысль» «разработку вопросов взаимодействия родов войск и подготовки общевойсковых командиров». При этом он высказал следующие мысли:

Современный бой и современная операция основаны на взаимодействии всех родов войск. Не может ныне один род войск решить все задачи в бою. Общевойсковой начальник должен хорошо знать все рода войск — и артиллерию, и танки, и авиацию, и инженерное дело. Общевойсковой начальник — это не

¹ Историко-архивный отдел Генштаба. Фонд 19, опись 653, дело №1, С. 86–89.

пехотный командир. Это командир, который объединяет и руководит всеми родами войск. И в прошлом все великие полководцы очень внимательно изучали военную технику, инженерное дело. Общевоинской начальник должен быть хорошо подготовленным в военно-техническом отношении. Он должен уметь правильно и грамотно поставить задачи начальником родов войск, критически воспринимать их доклады и давать им авторитетные указания и замечания. Товарищ Сталин очень нелестно отозвался о тех крупных военачальниках, которые не разбираются в калибрах артиллерии и для которых авиация — это просто самолеты без различия их технических и тактических особенностей. Товарищ Сталин подчеркнул, что нам нужно создавать, воспитывать общевоинского начальника нового современного типа. До сих пор наши командиры изучали отдельно тактику, артиллерию, танки, инженерное дело и т.п. Задача заключается в том, чтобы правильно связать эти отрасли подготовки так, чтобы основная подготовка нашего командира проходила, как подготовка общевоинского начальника, который на основе крепких знаний всех родов войск способен грамотно и умело организовать их взаимодействие в бою. Товарищ Сталин несколько раз подчеркнул мысль, что общевоинской начальник должен хорошо знать все рода войск и умело, не формально организовывать их взаимодействие.

О подготовке наших кадров

Самое лучшее, самое важное, чего мы добились в этой войне, — указал товарищ Сталин, — это наша армия, наши кадры. В этой войне мы получили современную армию, и это важнее многих других приобретений. В войне сформировались хорошие кадры, и эти кадры сейчас обладают большим опытом, большей практикой. Нужно помочь им расширить кругозор, нужно подкрепить их теорией, помочь им осмыслить теоретически их большой практический опыт.

О разработке теоретического и практического наследства выдающихся русских полководцев и военных деятелей

Задачу расширения кругозора наших кадров товарищ Сталин связал с задачей разработки теоретического наследства наших выдающихся полководцев. Для военных людей, — отметил он, — является провалом то, что наши офицеры знакомятся с выдающимися русскими полководцами из книг гражданских людей. Почему, — задал он вопрос, — никто из серьезных военных работников не занимается разработкой деятельности таких полководцев, как Петр I, Румянцев, Суворов, Кутузов, Брусилов. Ввиду того, что деятельность этих полководцев у нас по-настоящему еще не разработана, много есть неправильного в их оценке. О Кутузове, например, до сих пор многие говорят и пишут, как о полководце, стоящем ниже Суворова, в то время как Кутузов командовал армией большей, чем Суворов, решал неизмеримо более сложные политические и стратегические задачи, успешно вел борьбу с более сильным противником. Теоретическое и практическое значение деятельности Кутузова много глубже и ценней, и стратегия его много умнее, чем составилось мнение в литературе. Нужно разбить ходячее мнение о том, что кутузовская стратегия была пассивной, что он был способен только отступать и хитрить. Стратегия Кутузова была умной, величественной, государственной. Товарищ Сталин оценил Румянцева, Петра, Суворова и Кутузова как основоположников русского военного искусства. Практическое и теоретическое наследие их и Брусилова должно быть глубоко разработано. Для этого нужны серьезные статьи в «Военной мысли», книги и брошюры.

О воспитании наших кадров

У нас хорошие кадры, много героев. Нужно этих героев и дела их показать народу. На делах этих героев нужно воспитывать наших людей. Недостаточно напечатать портрет героя и корреспонденцию о нем в газете. Нужно создавать брошюры для солдат и сержантов. Нужно создать библиотечку для них о наших выдающихся офицерах-героях, командирах рот, батальонов и полков, где написать биографии их и описать их боевые дела и боевой опыт. Это должна делать и «Красная звезда». Она должна создавать свою библиотечку. Кадры надо воспитывать, — несколько раз подчеркнул товарищ Сталин. Нельзя одними приказами людей кормить. Надо что-нибудь сочное давать. Не нужно излишнего восхваления только. Дела сами за себя будут говорить.

Об изучении опыта войны

Мы получили огромный военный опыт, такой опыт, которого нигде нет. К этому опыту приковано внимание всего мира. Мы сидим на золоте нашего опыта, но порой его лучше и скорее изучают за рубежом. Нужно развернуть глубокое изучение нашего опыта в большом и малом масштабе. На этой работе вокруг нашего журнала «Военная мысль» и газеты «Красная звезда» будут собираться люди, организовываться. Нужно привлечь к изучению опыта внимание наших людей.

Как изучать, описывать опыт? Не заниматься восхвалениями, критически разбирать операции. Дела сами за себя будут говорить. Подхалимов подалеже держать от этой работы.
